

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. РАВДОНИКАС, История первобытного общества. Часть 2,
Изд. ЛГУ, 1947, 392 стр., 152 рис. Тираж 10000. Цена 25 руб.

Перед нами II часть работы, первая часть которой вышла в 1939 г., а III часть, согласно обещанию автора, «выйдет из печати незамедлительно вслед за настоящей частью» (стр. 4). Это—курс лекций, читавшихся проф. В. И. Равдоникасом на историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1936—39 гг.

Свой курс автор первоначально предполагал выпустить в двух частях, дав в первой «введение к истории первобытного общества и краткое изложение этой истории от возникновения общества до высшей ступени дикости включительно», а во второй— «историю первобытного общества в период варварства», приложив к ней карты, список литературы и список иллюстраций для всего курса. «Обе части, вместе взятые, являются по словам автора, о п ы т о м у ч е б н о г о п о с о б и я по общему курсу первобытной истории для исторических факультетов высших учебных заведений СССР» (I, стр. 3).

Первая часть курса действительно соответствует первоначальному замыслу автора, но во второй он значительно отклонился от него. Вторая часть книги охватывает только низшую и среднюю ступени варварства (археологически—неолит и для Европы эпоху бронзы). Высшая ступень варварства (эпоха железа) оказалась перенесенной автором в невышедшую еще третью часть вместе с картами, списками иллюстраций и литературы. Но главное не в количественном разрастании книги, а в ее структурном изменении, которое проф. В. И. Равдоникас сам характеризует так:—«Если для периода дикости (палеолит и мезолит—первая часть) можно было дать в кратком изложении достаточно полную общую картину истории человечества, то в настоящей части курса автор, изложив общие вопросы первобытной истории в основном на этнографических фактах, должен был ограничиться для неолита территорией Европы и северной Африки, для эпохи бронзы—только территорией восточноевропейской части СССР» (стр. 4).

Вторая часть «Истории первобытного общества»¹ состоит из 10 глав (XII—XXI), из которых первые восемь (стр. 5—287) посвящены нижней ступени варварства и только две последние (стр. 288—390)—средней. Та и другая ступень характеризуются автором сперва только на одном этнографическом (гл. XII—XV и гл. XX), а затем исключительно на археологическом материале (гл. XVI—XIX и гл. XXI).

В первых четырех главах второй части, привлекая разнообразный этнографический материал, автор дал подробную картину нижней ступени варварства (стр. 5—138). Он начал в главе XII с изображения развития материального производства, особенно подробно остановился на возникновении скотоводства (стр. 6—16), земледелия (стр. 17—24) и лишь отчасти коснулся «развития промышленного производства» (главным образом строительной техники и глиняной посуды) и «типов хозяйства и экономического базиса нижней ступени варварства». В небольшой XIII гл. проф. В. И. Рав-

¹ О первой части в настоящей рецензии говорится лишь попутно, поскольку это необходимо для понимания всей работы в целом.

доникас обрисовал (стр. 30—53) племена низшей ступени варварства: эскимосов, ительменов, папуасов Новой Гвинеи, индейцев Северной Америки и тропической зоны Южной Америки.

В следующей, XIV, главе автор дал общую картину не только матриархально-родового строя низшей ступени варварства, но и тенденций его развития. Начав с изображения парной семьи и пережитков группового брака, рода, фратрии, племени, материнского счета родства и материнской линии наследования, он кончает попыткой разрешить вопросы о локализации брака, авукулате, возникновении патрилокального брака и отцовского счета родства. Автор характеризует не только коллективное производство с естественным разделением труда, но и начатки общественного разделения труда и формы собственности, описывает возрастные деления, юношеские посвящения, мужские союзы и мужские дома, а также родоплеменную замкнутость отношений между племенами, общественно-экономическое равенство членов рода.

В главе XV (стр. 103—138) изображаются общественные представления низшей ступени варварства: тотемизм, магия, анимизм, представление о загробной жизни и культ предков, первобытная космогония, солнечные боги, материнское божество, переоформление древних представлений, культ и его носители, язык и мышление, письмо, фольклор, искусство, положительные знания.

После столь всестороннего освещения низшей ступени варварства автор, казалось бы, должен был уже перейти к еще более подробному изложению следующей ступени истории первобытного общества. Однако и следующие главы, XVI—XIX (стр. 139—288), опять посвящены низшей ступени варварства. Автор дает в них понятие о неолите и даже о энеолите (иначе халколит или медно-каменная эпоха) Северной Африки, Приатлантической, Средней и Северной Европы, не забывая о неолитических поселениях Швейцарии (гл. XVII) и особо выделяя в большую, XIX, главу (стр. 239—287) неолит на территории СССР. Эта глава завершает картину «высшего расцвета первобытно-общинного строя», рисуемую автором главным образом по этнографическим источникам.

«В гораздо более общей форме» (стр. 3), по собственному признанию проф. Равдоникаса, опять-таки раздельно излагая этнографический и археологический материал, всего в двух главах (менее 100 стр.), он описывает разложение первобытно-общинных отношений на средней ступени варварства.

В главе XX (стр. 288—330), опираясь преимущественно на этнографические данные, автор чрезмерно кратко касается: 1) возникновения металлургии меди и бронзы, 2) развития скотоводства и земледелия, 3) развития общественного разделения труда, 4) возникновения патриархально-родового строя, 5) этнографических примеров обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками (скотоводческих племен Южной Африки, скотоводов-кочевников, народов Северного Кавказа и южных славян), 6) основных черт патриархально-родового строя и 7) отражения патриархата в археологических памятниках.

В XXI главе (стр. 331—390), самой большой в книге, описывается на археологическом материале эпоха меди и бронзы на территории СССР: Кавказ, степная полоса, среднее и нижнее Приднепровье, лесная полоса Восточной Европы.

На этом прерывается труд проф. В. И. Равдоникаса: его конец в виде ч. III должен еще появиться в свет. Однако напечатанного уже достаточно, чтобы судить об этой капитальной работе по истории первобытного общества. Работа проф. Равдоникаса дает обильный и разнообразный фактический материал. В современной исторической литературе неолит, как автор называет низшую ступень варварства, не имеет еще столь детального освещения. Особенно ценно, что автор, один из крупнейших советских археологов, привлек большой этнографический материал и сделал попытку изобразить общественный строй низшей ступени варварства не статически, а в его развитии. Он стремился исходить из периодизации Энгельса—Моргана, согласно которой история первобытного общества делится на периоды дикости и варварства, с подразделением каждого на низшую, среднюю и высшую ступени. Современная буржуазная наука, в бешеной ненависти к материалистическому объяснению истории, объявляет не-

научной периодизацию Моргана и замалчивает великий труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Проф. Равдоникас в ряде мест своей книги дает критику идеалистических теорий, особенно реакционных археологов (Густава Коссинна на стр. 227—228, А. М. Тальгрена на стр. 228—229 и др.). Наиболее удачной является его критика идеалистической теории происхождения скотоводства из религиозных побуждений (Ю. Липперт, Э. Ган, Д. Фрезер и др.). Автор совершенно правильно критикует буржуазных представителей реакционной патриархальной теории, признавая примат матриархата. Отмечая «общественно-экономическое равенство членов рода, равноправие мужчин и женщин, а нередко весьма высокое положение женщин в общественной жизни» (стр. 55), он показывает, что патрилинейный счет родства и патрилокальный брак нельзя отождествлять с патриархально-родовым строем (стр. 76). Менее удалась автору критика теории происхождения кувады (стр. 74—75).

Необходимо отметить все же, что критика буржуазных теорий в области истории первобытного общества дана проф. Равдоникасом явно недостаточно.

Наиболее удачно проф. В. И. Равдоникас подошел к объяснению возникновения патрилокальности руководящей ролью мужчины в общественном производстве. В основном материалистически объясняет он происхождение скотоводства и земледелия.

Проф. В. И. Равдоникас исходит из развития материального производства (стр. 10), но не касается развития производственных отношений, упуская, таким образом, из вида развитие общественного способа производства в целом. При объяснении происхождения скотоводства, помимо спорности отдельных утверждений автора (напр., сомнительно приручение северного оленя (стр. 10) в эпоху верхнего палеолита), необходимо отметить отсутствие экономического подхода автора к этой проблеме.

Наибольшую ценность в рецензируемой работе (это относится к обеим частям ее) имеет приведенный автором богатый археологический материал, относящийся к территории СССР и зарубежным странам. Особенно интересны описания неолитического свайного поселения Альвастра в Швеции (стр. 222—225), многослойного местонахождения Гольдберг в Вюртемберге с поселениями «от неолита до эпохи раннего железа—Гальштатта и Латена» (стр. 328), позднелужицкой культуры торфяных поселений эпохи раннего железа на Бискупинском озере в Польше (стр. 374—377) и др. Интересны оригинальные соображения автора о выделении скотоводческих племен из массы варваров в древней Европе (стр. 327) к началу эпохи бронзы.

Нельзя пройти мимо многочисленных и ценных иллюстраций (150 в первой и 152 во второй части), изображающих преимущественно археологические памятники. Образовательное значение их тем больше, что в основном читатель получает воспроизведения первоисточников.

В заслугу автору книги следует поставить его стремление дать «отнодь не догматическое знание», а «творческое построение курса», с «критикой неприемлемых для него положений» (стр. 4). Проф. В. И. Равдоникас не только собрал огромное количество этнографических и особенно археологических данных, но и поставил много интересных вопросов, давая решения ряда весьма сложных проблем истории первобытного общества.

На этом пути, в «такой еще далеко... по его словам, неустоявшейся области знания, как первобытная история» (стр. 4), автор встретил, однако, такие трудности, что с некоторыми вопросами не смог справиться, а при решении других допустил серьезные методологические ошибки.

Проф. В. И. Равдоникас в первой части своей работы писал, что... «необходимо объединение всех видов источников для изучения общего процесса исторического развития первобытного общества. Одни звенья этого процесса, особенно древнейшие этапы, полнее представлены археологическими памятниками, другие—этнографическими фактами, но и археологические и этнографические данные становятся нередко значительно более ясными в свете лингвистики и других наук» (I, стр. 23). Среди этих «других» следует назвать физическую антропологию, фольклор и гражданскую (письменную) историю.

Правильно оценив значение различных видов источников, автор не провел, однако, последовательного и комплексного изучения их в своем историческом исследовании. В первой части своей работы проф. Равдоникас опирался главным образом на археологические памятники, поясняя их с помощью этнографических источников и почти не касаясь фольклорных, антропологических и лингвистических материалов, а во второй части его исследования, как пишет сам автор, «видное место» (стр. 3) занял главным образом этнографический материал. Проф. Равдоникас, по его словам, «стремился избежать неоправданного смещения этнографических и археологических конкретностей, ограничиваясь их сравнением и сопоставлением, при особом изложении каждой из них» (стр. 3). Получилось же чисто механическое соединение данных археологии и этнографии и полное забвение фольклора, лингвистики и антропологии.

Такова первая методологическая ошибка проф. В. И. Равдоникаса, связанная с рядом других более глубоких.

Особенно важным в работе по истории первобытного общества является правильное решение вопросов периодизации. Энгельсом были уже установлены основы периодизации, и задачей автора, на наш взгляд, являлась дальнейшая конкретная разработка периодизации на основе огромного фактического материала, которым располагает современная наука.

Такая работа является первым опытом создания конкретной истории первобытного общества, и перед автором стояла трудная задача, с которой, по нашему мнению, он справился не в полной мере. Помешали этому, с одной стороны, структурная неслаженность книги, о чем уже говорилось (две части работы построены по разным принципам), а с другой, недостаточная теоретическая разработанность автором вопросов истории первобытного общества. Это последнее привело к тому, что книга проф. Равдоникаса не показывает происхождения, развития и гибели первобытной общины, а является по существу формальным соединением археологических и этнографических данных по истории первобытного общества. Когда же автор пытается уточнить периодизацию Энгельса—Моргана, то он допускает явные ошибки. Так, подразделяя каждый из периодов дикости и варварства на низшую, среднюю и высшую ступени, автор настолько изменяет их, что у него получаются новые, по сравнению с Энгельсом, «ступени культуры». Однако проф. В. И. Равдоникас как будто не замечает этого и продолжает называть их в соответствии с построением Энгельса—Моргана.

Проследим, в чем состоят эти отклонения В. И. Равдоникаса от периодизации Энгельса. Вот что писал Энгельс: «Варварство. 1. Низшая ступень. Начинается с введения гончарного искусства... Отличительной чертой периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений... 2. Средняя ступень. На востоке начинается с приручения домашних животных. На западе—с разведения съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня... 3. Высшая ступень. Начинается с плавки железной руды»¹. Он же пишет: «из достижений в области промышленной деятельности на этой (средней.—В. Н.) ступени особенно важное значение имеют два: первое—ткацкий станок, второе—плавка металлургических руд и обработка металлов... Бронза давала пригодные орудия и оружия, но не могла вытеснить каменные орудия... (Там же, стр. 136—137). Энгельс, таким образом совершенно четко устанавливает определенные грани между различными ступенями варварства и не оставляет ни малейших оснований для каких-либо кривотолков в этом вопросе.

В первой части работы В. И. Равдоникаса (стр. 93) эти выводы Энгельса были почти дословно пересказаны и правильно им поняты. Однако и тогда уже автор, признав, что «существование периодизации Энгельса—Моргана... сохраняет свое глубокое значение» (I, стр. 89), все же вносил в нее отдельные «поправки». Они относились к периоду дикости. По Энгельсу—Моргану средняя ступень дикости начинается с добывания огня трением и употребления в пищу рыбы. Автор же признает основным рубеском,

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, I, стр. 11.

разделяющим пизшую и среднюю ступени дикости, «овладение способом добывания огня и переход к охоте на крупных животных. Что касается употребления в пищу рыб, то археологические памятники, которые можно отнести к началу этой ступени (ашельско-мустьерское время), не подтверждают всеобщности и сколько-нибудь значительной важности данного явления в жизни первобытных людей этого времени» (I, стр. 89—90). Таким образом, у проф. В. И. Равдоникаса средняя ступень дикости составляет из двух археологических эпох среднего и верхнего палеолита.

Конечно, проф. В. И. Равдоникас правильно считает, что нет ни одного сколько-нибудь достоверного памятника, который показывал бы употребление в пищу рыбы в «ашельско-мустьерское время», но это вовсе не вызывает необходимости вносить «поправку» в периодизацию Моргана—Энгельса. В культурных слоях эпохи верхнего палеолита (начиная с ориньякской культуры) встречаются и кости рыб и даже их изображения. Поэтому проф. В. И. Равдоникас мог и должен был начать среднюю ступень дикости с верхнего палеолита, а не с «ашельско-мустьерского времени». Успехи, достигнутые наукой после Энгельса, только укрепляют его взгляды на рубеж между низшей и средней ступенями дикости. Советские антропологи своими исследованиями показали, что на грани этих ступеней на смену палеоантропу (неандертальцу) появился неантроп или, как его раньше называли, «разумный человек» (*homo sapiens*). Весь археологический материал показывает, что не между шельльской и ашельской, а между мустьерской и ориньякской культурами наблюдаются крупные различия. Поэтому среднюю ступень дикости и надлежит начинать с эпохи верхнего палеолита, когда неантроп употреблял в пищу рыбу.

Нельзя признать удачным и отождествление проф. В. И. Равдоникасом высшей ступени дикости с археологической эпохой мезолита, промежуточной между верхним палеолитом и неолитом. Сложную проблему о датировке древнейших лука и стрел трудно разрешить путем исследования даже различных видов источников (археологических, этнографических и др.).

Делая такие поправки в отношении периода дикости, проф. Равдоникас считал, что «основные признаки средней и высшей ступеней варварства, указанные Энгельсом, сохраняют значение и в свете новейших фактов, но начало скотоводства следует отнести к более раннему времени» (I, стр. 90). Однако в дальнейшем автор не выдержал этого принципа и стал вносить также поправки и в отношении периода варварства.

Среднюю ступень варварства автор начинает металлургией меди и бронзы (стр. 288). Преувеличив древность скотоводства, В. И. Равдоникас преувеличивает значение и древность цветной металлургии. В итоге автор существенно отклоняется от периодизации Энгельса. Под видом ступеней культуры у проф. Равдоникаса выступают в действительности археологические эпохи: вместо низшей ступени дикости—нижний палеолит; вместо средней ступени дикости—средний палеолит плюс верхний палеолит; вместо высшей ступени дикости—мезолит; вместо низшей ступени варварства—неолит; вместо средней—эпоха бронзы; вместо высшей—эпоха железа.

Автор правильно писал, что «археологическая классификация не является периодизацией истории общества» (I, стр. 99). По его словам «объединение археологических и этнографических источников позволяет установить общую периодизацию истории первобытного общества» (I, стр. 89), но во второй части своей книги В. И. Равдоникас подменил все же периодизацию Энгельса—Моргана периодизацией археологической. Автор не сумел раскрыть подлинную историю первобытного общества и показать его развитие. Это выразилось в извращении им периодизации первобытной истории и по ступеням общества, даваемой им рядом и в связи с «археологической» периодизацией. В. И. Равдоникас пишет: «В итоге изучения развития последовательных типов первобытных общин устанавливается следующая их периодизация: 1) первобытное стадо, 2) община с кровно-родственной семьей, 3) матриархально-родовое общество, 4) патриархально-родовое общество, 5) сельская, или территориальная, община» (I, стр. 97). На самом деле история первобытного общества по ступеням развития общества делится на: 1) период первобытного стада и 2) период первобытной общины, который подразделяется на: а) матриархально-родовую и б) патриархально-родовую общины.

Поэтому из пяти ступеней периодизации В. И. Равдоникаса следует исключить последнюю¹. Что касается «Общины с кровно-родственной семьей» (I, стр. 97) или орды с кровно-родственной семьей (I, стр. 117), то на самом деле это не орда и не община, а позднее первобытное стадо, обычно приурочиваемое к среднему палеолиту, следовательно, к концу низшей ступени дикости, а не к началу средней. Возникновение кровно-родственной семьи означало разложение, но отнюдь не конец первобытного стада. Считать новую (хотя бы и древнейшую) форму семьи за новую ступень общества можно лишь при неправильном понимании движущих сил первобытной истории.

Мимоходом брошенное автором замечание: «общественные отношения в родовом строе совпадают с семейно-родственными» (I, стр. 93) не было случайной обмолвкой. Автор действительно неправильно понимает производственные отношения первобытной общины и переоценивает значение семьи в ее истории. Отсюда проистекают его искажения периодизации истории первобытного общества как по культурным, так и по общественным ступеням, и ряд других ошибок в трактовке первобытной истории.

Много неточностей допустил автор в разделе, посвященном матриархально-родовому строю на низшей ступени варварства и тенденциям его развития. Автор правильно приспает примат матриархата перед патриархатом, однако его характеристика матриархата несвободна от пережитков реакционной патриархальной теории. Даже развитой материнский родовой строй он называет матриархатом, только «говоря коротко и весьма условно» (стр. 54). В авункулате («преимущественное перед отцом значение брата матери в семье») автор видит одну из наиболее характерных особенностей матриархата (стр. 64), тогда как авункулат является пережитком матриархата в патриархальном родовом обществе. Тем самым проф. Равдоникас выдвигает на первый план не женщину, а мужчину, хотя и не отца, а дядю по матери (авункула). Преувеличение роли мужчины при матриархате приводит его к неправильному предположению, будто случаи патрилинейности, обнаруженные этнографами у ряда племен не только варварских, но и дикарских (например в Австралии), могут рассматриваться как явление стадияльное.

Большую путаницу вносит автор, пытаясь дать свое «понимание одной из наиболее трудных и наиболее важных проблем первобытной истории, — проблемы возникновения патрилокального брака и отцовского счета родства» (стр. 76). Он считает, что подобные брак и счет родства «только п р е д в е щ а ю т (разрядка моя.—В.Н.) патриархально-родовые порядки» (стр. 76). Его верная мысль об усилении хозяйственного значения мужского труда в сравнении с женским, как основной причине перехода родового общества к патриархату, искажается различными неверными утверждениями. Источник последних кроется в том, что семья в построениях В. И. Равдоникаса заслоняет род и совершенно устраняет племя.

Согласно автору, «логика (?—В.Н.) патрилокального брака... в исключительных географических и исторических условиях при реальной значимости родовых связей должна привести к отцовскому счету родства...» (стр. 72). Последствием установления патрилокальных браков, по его мнению, было «вытеснение родового землевладения территориально-общинным» (стр. 76.). На самом деле никаких «общинно-территориальных хозяйственных отношений» на низшей ступени варварства быть не могло. Автор забыл, что роды являлись частями племени, а потому всякие внеродовые отношения были племенными, т. е. тоже родственными, как и внутривидовые. При большом внимании автора к истории семьи, развитие ее в период варварства показано им явно недостаточно. Автор говорит о «семейной собственности» (стр. 55—57), парных семьях и о полной хозяйственной самостоятельности патриархальной семьи (стр. 309, 323 и др.) в то время,

¹ Маркс в черновиках письма к Гере Засулич показал, что сельская община является частью зарождающегося и развивающегося гражданского общества (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 677—698).

как рост личной собственности следовало теснее связать с ростом общинной собственности (племенной, родовой, домашне-общинной), о собственности же парной всем умолчать, поскольку на низшей ступени варварства еще не возникло индивидуальное семейное производство. Согласно Энгельсу, парная семья вовсе не была хозяйственной клеточкой родового общества, а патриархальная только формировалась в качестве хозяйственной ячейки. Неверно В. И. Равдоникас истолковывает и «обособленную собственность» (Sondereigentum) Энгельса и Маркса (стр. 84) как «особенную собственность полов в семье» (стр. 85). В итоге автор не смог правильно объяснить даже происхождение предвестников патриархального рода, т. е. патрилокального брака и отцовского счета родства.

Что касается вопросов возникновения патриархального рода, автор удачно, в общем, излагает точку зрения Энгельса (стр. 307—308). Однако он пишет... «Фридрих Энгельс освещает происхождение патриархата т о л ь к о в общей форме, показывая т о л ь к о на примере скотоводческих племен Старого Света, так сказать, самое существо вопроса. Но в действительности патриархат возникал не мгновенно, а как мы показывали выше (в гл. XIV), вызревал еще в недрах материнского рода» (стр. 309). Но Энгельс, как известно, никогда и не утверждал, что патриархат возникал мгновенно. У В. И. Равдоникаса вопрос о предвестниках патриархата, как мы видим, безнадёжно запутан.

Правильно считая, что патриархат относится ко времени разложения первобытно-общинных отношений, что существенной особенностью его было патриархальное рабство, возникновению последнего автор уделяет всего несколько строк (на стр. 307). Автор, подробно характеризовавший идеологию обществ низшей ступени варварства (гл. XV), уделяет явно недостаточное внимание характеристике идеологии на средней ступени варварства (в гл. XX этому отводится менее одной страницы).

В книге проф. Равдоникаса не осуществлены известные указания товарища Сталина: «значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 116). Производственные отношения остались непонятными для проф. В. И. Равдоникаса, и потому он не смог восстановить ступени развития первобытной общины, показать начало ее разложения и превращение в гражданское общество. Таковы, на наш взгляд, основные ошибки проф. В. И. Равдоникаса.

Вся работа пестрит неточными выражениями и ошибочными замечаниями автора. Особенно много их в области этнографии. Автор путает американку Э. Парсонс, исследовательницу индейцев-пуэбло (стр. 48) с Паркинсоном, исследователем... Океании! Вопреки Энгельсу—Моргану, он относит индейцев-пуэбло не к средней, а к низшей ступени варварства (стр. 30 и 46). В коренном населении Австралии («австралийцах») он усматривает представителей то высшей ступени дикости, то даже низшей ступени варварства, умалчивая об отнесении их Энгельсом—Морганом к средней ступени дикости. На стр. 6 он помещает эскимосов рядом с австралийцами на высшую ступень дикости, а на стр. 30 эскимосы оказываются стоящими «ближе к началу периода варварства». К средней же ступени варварства не менее произвольно автор относит готтентотов, кафров (термин, оставленный теперь уже этнографами), народы Северного Кавказа, южных славян и т. п. На стр. 13, давая изображение якута с оленем-манщиком, автор в подписи под рисунком называет якута тавгийцем. На стр. 32 узловое письмо приписывается индейцам Северной Америки, а письмо, напоминающее наши ребу-сы»,—Перу, тогда как общепринятым является обратное.

В области археологии ошибок несколько меньше. На стр. 330 спорно приурочение древнейших кельтов к эпохе бронзы, а на стр. 301 отнесение к ней же деревянных плугов из Деструпа, Деберготца, Торна. Не раз анализ археологических остатков древних жилищ исходит из сбивчивых понятий автора парной (на стр. 200 и 224) или патриархальной семьи. Большое недоумение вызывает отсутствие в книге описания крито-эгейской культуры.

Особенно много ошибок содержит глава XV, посвященная «общественным представлениям низшей ступени варварства». Это едва ли не самая слабая часть книги.

В ней обнаруживается формалистская трактовка первобытного искусства, социальное значение которого показано автором (стр. 134—136) недостаточно. В. И. Равдоникас не критически принимает идеалистическую анимистическую теорию происхождения религии либерального буржуазного ученого Э. Тейлора (стр. 110—111, 114). Почти без критики автор следует реакционной (расистской по своей сущности) теории дологического мышления французского позитивиста Леви-Брюля, подробно излагая ее на стр. 126—129. В частности он разделяет взгляды Леви-Брюля на сказку как на десакрализованный миф (стр. 133). Не по-марксистски звучит данная автором характеристика личной собственности, оказывающейся (совсем по Леви-Брюлю) тем, «что тесно связано с каждым отдельным человеком, что как бы составляет часть его личности, сопричастно с ним, согласно нормам магического мышления» (стр. 83). Проф. Равдоникас не сумел, кроме того, показать и отличие личной собственности от частной (стр. 324). Этот раздел книги проф. В. И. Равдоникаса особенно изобилует ссылками на труды буржуазных иностранных ученых, чрезмерное почитание которых проявляется у автора. Немец Вильгельм Вундт именуется им только «известным психологом» (стр. 11), англичанин Эндрю Лэнг и француз Дюркгейм называются только «крупными учеными», а Джемс Фрэзер даже объявляется «одним из крупнейших этнологов современности» (стр. 77). Критика, которой автор подверг взгляды немецкого этнолога Рихарда Турнвальда за его отрицание прогресса в развитии семьи (стр. 57), слишком аполитична. С другой стороны, достижения русских и особенно советских ученых автором систематически замалчиваются. Из дореволюционных ученых им названо несколько этнографов (Крашенинников, Миклухо-Маклай, Н. Харузин), и несколько археологов (А. А. Иностранцев и В. В. Хвойко). Из советских этнографов названы только двое: Л. Я. Штернберг и М. О. Косвен. Советские археологи упоминаются только дважды: (на стр. 271 и стр. 297), в обоих случаях—это проф. В. И. Равдоникас,—единственный из советских археологов, упомянутый в книге, где описано несколько десятков археологических памятников, открытых советскими учеными. Недооценка роли и значения русской и советской археологии выступает тем выпуклее, что автор указывает слишком много иностранных археологов, в их числе почти неизвестных: Пира (стр. 228), Риг (стр. 238) и др.

В Институте этнографии АН СССР на двух заседаниях Ученого совета в мае 1948 года происходила дискуссия по книге «История первобытного общества» проф. В. И. Равдоникаса. Под председательством проф. С. П. Толстого в ней участвовали этнографы (проф. М. О. Косвен, проф. С. А. Токарев, доц. М. Г. Левин и др.), археологи (проф. А. Я. Брисов и проф. С. В. Киселев) и историки (проф. В. К. Никольский, доц. Б. И. Шаревская, Д. Г. Редер и др.). Книга проф. В. И. Равдоникаса вызвала со стороны большинства выступавших вполне заслуженную критику. В ходе обсуждения книги значительное место заняло выяснение, пригодна ли она в качестве учебного пособия. Единодушно все, касавшиеся этого вопроса, ответили на него отрицательно.

Проф. В. И. Равдоникасу не удался его «опыт учебного пособия». В 1938 г. издательством ЛГУ была напечатана программа курса истории первобытного общества проф. В. И. Равдоникаса для студентов исторического факультета. В программе находятся такие основные разделы: эпоха дикости, от дикости к варварству (высшая ступень дикости и низшая ступень варварства), эпоха варварства (средняя и высшая ступени). Здесь неправильно фигурируют и сельская община и «дородовая община с кровнородственной семьей». Этой программе и соответствует во многом курс проф. В. И. Равдоникаса. Однако в Великую Отечественную войну и особенно после нее преподавание древней истории поднялось на гораздо более высокий уровень. На исторических факультетах университетов и педагогических институтов теперь имеются специальные курсы: введение в археологию, этнография, история первобытного общества. Четкому введению этих курсов очень помогла утвержденная Министерством высшей школы программа по истории первобытного общества, составленная проф. М. О. Косвеном. Соединять механически археологию и этнографию и преподносить это под именем «Истории первобытного общества» нельзя. Нельзя дезориентировать студен-

тов, для которых «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса стало настольной книгой, произвольно переделывая периодизацию истории первобытного общества или перемещая, вопреки Энгельсу, индейцев-пуэбло со средней ступени варварства на низшую, австралийцев со средней ступени дикости на высшую. Нельзя нарушать бюджет времени нашего студенчества, отводя на курс по истории первобытного общества 650 стр. (да еще готовится к печати третья часть!). Благодаря самостоятельному преподаванию этнографии и введения в археологию на лекционный курс истории первобытного общества отводится всего 20—24 часа. Правда, в книге проф. В. И. Равдоникаса имеется и мелкий шрифт, который с 15 страниц в первой части возрос до 52-х во второй, но это не спасает студентов от перегрузки, особенно в силу необычайной трудности и неточности изложения проф. В. И. Равдоникаса. Так, например, сорорат он определяет как «соучастие (!) сестры в половой жизни другой сестры» (стр. 58). Он пишет о «подготовке урожая для хранения в запасах» (стр. 19), о «письменных известиях и старых книгах XVII—XVIII веков» (стр. 41). Трудно понять, например, такое предложение: «Такова, например, в западной Европе культура колоколовидной керамики, получившей название по типичным для нее сосудам колоколовидной формы, украшенным располагающимися горизонтальными полосами или зонами орнаментом из геометрических узоров, плетений, горизонтальных линий, вигвагов и т. д.» (стр. 326). Образовательное значение книги снижается еще и тем, что рисунки в ней описаны слишком кратко, не всегда раскрыто значение отдельных изображений, источники их не указаны, наряду с ценными зарисовками памятников встречаются не всегда надежные реставрации. Плохо разработан научный аппарат; нет ссылок на цитируемые работы, автор часто ограничивается лишь указанием фамилии ученого и даже не приводит названия самой работы.

Все это позволяет считать «опыт» проф. В. И. Равдоникаса неудачным, так как он не дал учебного пособия по истории первобытного общества, пригодного для советского студенчества.

Проф. В. К. Никольский

Проф. В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. I. Уч. зап. МГПИ им. Ленина, т. XLVI, вып. 2, 1947.

Первая часть труда проф. В. Н. Дьякова «История римского народа в античную эпоху» представляет собой интересную попытку дать такое пособие, которое, по словам автора, не будучи учебником обычного типа, вводило бы читателя «более глубоко и равносторонне в круг вопросов, связанных с изучением истории древнего Рима» (см. предисловие). Этими словами определяется своеобразие рецензируемой работы, а поэтому сразу же отпадает ряд требований и условий, удовлетворения которых мы вправе ожидать от учебника «обычного типа».

Очевидно, вышеупомянутой установкой обусловлен тот факт, что концепция автора дана всюду чрезвычайно резко и определенно. Это ощущается уже в самом названии курса, в котором автор как бы хочет подчеркнуть, что он не столько интересуется историей римского государства, каковая является обычно основным содержанием курсов римской истории, но историей римского народа. Подобную постановку вопроса можно только приветствовать; однако на основании знакомства с первой частью книги пока еще трудно судить, сможет ли автор оплатить выданный им крупный вексель. Наоборот, нам хотелось бы со всей силой подчеркнуть то обстоятельство, что трудности, стоящие перед автором, по мере его углубления в материал римской истории и по мере развития и продолжения курса будут неуклонно возрастать. Если понятие «римский народ» применительно даже к раннему периоду римской истории может вызвать ряд соображений явно дискуссионного порядка, то какое же содержание вложит автор в это понятие и как он распространит его на население римских земель в период превращения Рима в великую